

Смолянинов Иван Борисович

Серые шинели

Рассказы участника войны

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Борисович С.**
Серые шинели: Рассказы участника войны / Смольянинов Иван Борисович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 138 с.

ISBN 978-5-519-74338-9

ISBN 978-5-519-74338-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

оплетки проволокой надо не больше шести-семи человекъ. Вызвали охотниковъ и Цыганковъ вышелъ первымъ.

Колья заготовили скоро, подноски тоже не потребовала много времени, зато забивка не ладилась. Каждый ударъ колотушки по колу вызывалъ выстрѣлъ съ нѣмецкой стороны. Пробовали было обматывать колотушку войлокомъ, клали войлокъ на верхушку кола, но тогда пропадала вся сила удара.

— Эхъ, была не была,—говорить Цыганковъ,—дай-ка я вдарю!

— Тише, чего орешь-то?

— Намъ все единственно, ори не ори, онъ стрѣлять будетъ, такъ ужъ лучше я покричу въ свое удовольствіе.

— Куда тебя, лѣшаго, тянетъ?

— Эй, Сачковъ, держи что-ль?—громко говорить Цыганковъ сосѣду, берясь за тяжелую грабовую колотушку.

— Давай, что-ли... все равно...

Нѣмцы участили огонь.

— Зажарили....

— Ну-ка, наддай по колу!

Цыганковъ, могучимъ размахомъ, сразу вогналъ колъ вершка на два въ глину.

— Поѣхалъ!.. дуй его, дуй живѣй!

Удары колотушки посыпались одинъ за другимъ. Нѣмцы стрѣляютъ не умолкая.

— Обижаются крѣпко... А только стрѣлять тоже умѣть надо. Ну-ка, давай другой колъ-то!

Сачковъ тянется за другимъ коломъ; но только онъ поднялъ его отъ земли, разрывная пуля перебила его пополамъ.

— Срѣзали?

— Ну, да.

— Наплевать... Этого добра много. Давай другой!..

И опять та же исторія. Тѣ же частые удары по дереву, та же неумолкающая трескотня съ нѣмецкой стороны.

Изъ окоповъ пришелъ пѣхотный прапорщикъ.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Проволоку ставимъ, ваше б—іе,—лихо отвѣчаетъ Цыганковъ и опять застучалъ своей колотушкой.

— Изъ-за васъ изъ окопа выйти нельзя... Только огонь привлекаете.

— Пущай тратится,—мрачно бурчитъ Цыганковъ, еще сильнѣе размахивая своей колотушкой.

Три часа безъ передышки онъ работалъ въ этомъ аду, но ушелъ къ ротѣ только тогда, когда весь участокъ былъ заплетенъ проволокой.

— Кончилъ?

— Такъ точно, ваше в—іе... Записка вамъ есть,—говоритъ Цыганковъ, доставая изъ-за обшлага шинели смятый конвертъ. Командиръ пѣхотной роты пишетъ, что «только благодаря самообладанію сапера Цыганкова и его полному презрѣнію къ опасности, постоянно угрожавшей ему подъ неумолкавшимъ частымъ огнемъ противника,

проволочная сѣть доведена до конца». Въ заключеніе просить представить его къ кресту.

— Ваше в—іе...

— Ну?

— Ужъ хоть теперь-то простите за то... недоразумѣніе-то со мной случилось.

НИКОЛАЙ РУМЯНЦЕВЪ.

Сослѣжить въ разрядѣ штрафованныхъ.

— За что?

— Такъ что не потрафилъ, ваше в—іе...

— Кому, въ чемъ?

— Ротному командиру, ваше в—іе... Они, конечно, службу спрашиваютъ, а я что же, я запасный, я службу помню хорошо, любому унтеру докажу... На дѣйствительной самъ унтеромъ былъ.

— Разжаловали?

— Такъ точно. При увольненіи винцомъ побаловался, съ дежурнымъ повздорилъ, ну, и попалъ... Такъ у меня и получилось: на службѣ съ нашивками былъ, а ушелъ безъ нихъ, какъ неучъ какой...

— Что же ты хочешь?

— Возьмите къ себѣ въ роту, ваше в—іе... Васъ и ротный командиръ мой поблагодарить, что отъ меня избавили.

Я разсмѣялся.

— Такъ точно, ваше в—іе... Потому, что же я теперь, ничего, можно сказать, не стоящій человекъ... А на войнѣ, коли счастье мое такое

есть—я себя опредѣлю, какъ человѣкъ настоящій. Сдѣлайте милость, ваше в—е..., возьмите съ собой.

Румянцева перевели въ мою роту, къ неопи-суемому ужасу подпрапорщика...

— Куда же мы его опредѣлимъ?

— Во второй взводъ. И назначать на всѣ ра-боты на позиціи, пусть заслуживаетъ прощеніе штрафа.

Подпрапорщику повторять приказаній не при-ходится, и Румянцева «взяли въ оборотъ».

Черезъ нѣсколько дней, обходя окопы, встрѣ-чаю Румянцева. Въ узкомъ окопѣ онъ умудряется стать во фронтъ, хотя для этого ему приходится совершенно влипнуть въ земляной откосъ.

— Какъ живешь?

— Покорнѣйше благодарю, ваше в—е... Очень хорошо. Пѣхотинцы очень нами довольны. Намъ съ ними легко.

— Что же ты здѣсь дѣлаешь?

— Что приходится, ваше в—е... Они окопъ роютъ, я объясняю, до какихъ поръ рыть, гдѣ траверсы поставить, какъ блиндажъ устроить... А они, значить, такъ и дѣлаютъ и никакой отъ нихъ обиды, покамѣстъ, не видимъ.

* * *

Недѣли черезъ двѣ обпаружилось, что нѣмцы повели противъ насъ сапу. Даже сквозь стрѣл-ковую бойницу были видны небольшіе броски земли, вылетающей изъ нѣмецкаго окопа черезъ правильные промежутки времени.

— Что вы намѣрены съ этимъ дѣлать?—освѣдомляется начальникъ боевого участка.

— Думаю, что надо итти навстрѣчу.

— Когда же начнете?

— Да сегодня же ночью.

И въ ночь, дѣйствительно, приступили къ работѣ, рѣшивъ во что бы то ни стало развить такую скорость работы, чтобы не дать нѣмцамъ значительно приблизиться къ намъ.

Пользуясь темнотой, вышли изъ окопа и вырыли летучую сапу, перпендикулярно къ нашему окопу, шаговъ на сто впередъ. До головы нѣмецкой сапы оставалось шаговъ пятьдесятъ. На день въ эту сапу послали саперъ, которые, сидя въ ней, согнувшись въ три погибели, дѣятельно углубляли новую траншею. Особенно же напряженно работали въ головѣ, и когда пришла ночная смѣна, разстояніе между нашей и нѣмецкой сапами было не больше 25—30 шаговъ. Слышно, какъ нѣмцы кашляютъ, сморкаются, вполголоса переговариваются между собой.

— Не иначе, какъ сегодня надо ихъ прикончить,—рѣшилъ Румянцевъ.

— Какъ же это ты ихъ прикончишь?—спрашиваетъ старшій.

— Очень просто. Дай мнѣ только гранатъ нѣсколько штукъ, а ужъ я свое дѣло сдѣлаю.

— Ладно. Сиди, да копайся.

— Не могу я сидѣть. Пойми ты—для чего мы и рыть будемъ, когда можно все ихъ хозяйство вразъ порѣшить?!

Спорили до тѣхъ поръ, пока пріѣхавшій офицеръ не поставилъ, вмѣсто Румянцева, другого сапера, а его отпустилъ «на охоту».

Румянцевъ перекрестился, воткнулъ за поясъ четыре ручныхъ гранаты, тихонько вылѣзъ изъ сапы и поползъ прямо передъ сапой. Вдругъ блеснулъ ручной электрическій фонарикъ.

— Нѣмцы!

Но не успѣли еще люди выскочить изъ сапы, какъ Румянцевъ бросилъ гранату. Яркое желтое пламя густымъ клубкомъ вспыхнуло во тьмѣ и потонуло въ облакъ дыма. Нѣмцы убѣжали, а Румянцевъ поползъ дальше.

Тишина кругомъ сразу стала мертвая.

— Не иначе, какъ въ плѣнъ попадетъ.

— Не такой парень.

Вдругъ снова слышится взрывъ, другой, третій.

— Всѣ разрядилъ.

— Передать, чтобы секреты продвинулись впередъ!

Но передавать было некому. Ближайшій секретъ послѣ перваго же взрыва пошелъ за Румянцевымъ.

Слова нѣсколько минутъ напряженной тишины, потомъ одиночный выстрѣлъ изъ револьвера и опять тишина. Люди снова принялись за работу.

— Ну, тащись, что ли...—послышался впередъ грубоватый окликъ.

— Кто?

— Румянцевъ...

— Тащишь кого?

— А то пустой приду?!

Вмѣстѣ съ нимъ шелъ и пѣхотный секретъ.

— Теперь нѣмцу крышка работать!

— А что?

— Да всю смѣну ему прикончили...

— Какъ же такъ?

— Очень просто. Трoихъ съ собой привели, да съ пятерыхъ погоны срѣзали—гранатами, стало быть, пришибло.

— Ничего... Новыхъ пошлютъ.

— Это еще когда пошлютъ, а мы вотъ сейчасъ сюда пулеметъ подтащимъ, да взбрызнемъ всю траншею вдоль,—заключаетъ разговоръ пѣхотный офицеръ.—Тогда вотъ и посмотримъ, кого они сюда пришлютъ... Ну, а тебѣ, молодчина, что же, крестъ теперь дадутъ?

— Никакъ нѣтъ, крестъ еще потомъ заслужимъ, а теперь бы только отъ штрафа избавиться...

СЕМЕНЬ ЧЕРЕПКОВЪ,

— Ваше в—іе, можно зайти?

По голосу узнаю Черепкова. Не оборачиваясь, такъ и вижу, кажется, передъ собой его пескладную фигуру. Высокій, широкоплечій, вѣчно въ валенкахъ, онъ стоитъ у порога, переминаясь съ ноги на ногу, и угрюмо смотритъ исподлобья куда-то въ уголъ. Съ его приходомъ, въ комнату пахнетъ конюшней. Черепковъ уже три недѣли переведенъ изъ строя въ обозъ и назначенъ старшимъ. На его попеченіи команда въ 110 человѣкъ и около ста лошадей.

— Что скажешь?

— Насчетъ фуража я, ваше в—іе...

— Въ чемъ дѣло, нѣтъ овса, что ли?

— Никакъ нѣтъ, овесъ есть.

— Сѣна нѣтъ?

— И сѣно есть. Дня на четыре всего хватитъ.

— Такъ чего же тебѣ?

— Да здѣсь стоять долго будемъ... Запасись бы безпремѣнно надо.

— Я не знаю, долго ли простоемъ.

— Мнѣ, ваше в—іе, по жителю видать, что скоро отсюда не уйдемъ.

— Почему же?

— Да такъ ужъ... Къ коровамъ я давеча при-
цѣнялся.

— Зачѣмъ?

— Такъ я... Чтобы ихъ попытать...

— Ну?

— Не продаютъ... Сами, говорятъ, молоко
пить будемъ. Опять же насчетъ свинины,
баранины... Никакого, какъ есть, мяса про-
давать не хотятъ. Значитъ, не боятся, что
германца пропустятъ. Даже птицу и ту не
продаютъ нипочемъ. Жадничаютъ, пока на
свободѣ-то...

— Ну такъ что же?

— Такъ, ваше в—іе, помѣщику-то поговорилъ
бы насчетъ фуража. Пока стоимъ, здѣшній бы
и ѣли, а тотъ, что есть, дальше бы повезли.

— Ну, ладно, ступай.

Черепковъ тяжелой походкой, неуклюже по-
ворачиваясь у двери, уходитъ. Изъ коридора
слышу разговоръ:

— Будетъ тебѣ къ командиру съ разной дрянью
лазить, все скулишь, да скулишь...

— Скулишь,—ворчитъ Черепковъ.—Лошадь-то,
чай, тварь безсловесная. Ежели я за нее не скажу,
она весь вѣкъ промолчитъ...

Бываетъ, что Черепковъ приходитъ и съ дру-
гими вѣстями, но никогда не явится сказать,
что чего-нибудь нѣтъ.

Онъ всегда докладываетъ только о томъ, что
есть или что можно имѣть.